

УДК-801.5 (Англ)

DOI 10.24412/3005-849X-2026-2-156-166

**КАТЕГОРИЯ ЗАЛОГА И
КАУЗАТИВНОСТИ В
АНГЛИЙСКОМ И ТАДЖИКСКОМ
ЯЗЫКАХ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ
РАЗЛИЧИЯ И СХОДСТВА**

**КАТЕГОРИЯҲОИ ТАРЗ ВА
САБАБИЯТ ДАР ЗАБОНҲОИ
АНГЛИСӢ ВА ТОЧИКӢ:
ТАФОВУТ ВА ШАБОҲАТҲОИ
ФУНКЦИОНАЛӢ**

**THE CATEGORY OF VOICE AND
CAUSATIVITY IN ENGLISH AND
TAJIK LANGUAGES:
FUNCTIONAL DIFFERENCES
AND SIMILARITIES**

Хамидова Мунира Нумоновна, канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой перевода и грамматики английского языка ГОУ «ХГУ имени академика Б. Гафурова» (Худжанд, Таджикистан)

Ҳомидова Мунира Нӯмоновна, н.и.ф., дотсент, мудири кафедраи тарҷума ва грамматикаи забони англисии МДТ “ДДХ ба номи академик Б. Гафуров” (Хучанд, Тоҷикистон)

Homidova Munira Numonovna, candidate in Philology, associate professor, head of the department of translation and Grammar of the English language under the SEI “KhSU named after academician B. Gafurov” (Khujand, Tajikistan) e-mail: munira.homidova@bk.ru

*На материале английского и таджикского языков рассматриваются категории залога и каузативности, их взаимосвязь и основные свойства. Особое внимание уделяется типологическим различиям в способах выражения каузативности и залога: в английском языке каузативность чаще реализуется аналитическими конструкциями с глаголами *take, have, let, get*, тогда как в таджикском языке она выражается морфологически, с помощью суффиксов *-он/-ён* (хобондан). Анализ показал, что каузативность трансформирует распределение ролей участников действия, вводя нового субъекта – каузатора, и тем самым пересекается с функциями залога. Выявляются закономерности взаимодействия категорий, демонстрируя их влияние на синтаксическую структуру предложения и расширяя понимание причинно-следственных отношений в английском и таджикском языках.*

Ключевые слова: *категория залога; категория каузативности; синтаксические структуры; типологические различия; морфологические средства; синтаксические средства; субъект-каузатор; причинно-следственные отношения*

*Категорияҳои тарз ва сабабият, муносибатҳои байниҳамдигарӣ ва хусусиятҳои асосии онҳо дар асоси маводи забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ баррасӣ мешаванд. Таваҷҷуҳи махсус ба фарқҳои типологӣ дар ифодаи сабабият ва тарз равона карда мешавад: дар забони англисӣ сабабият беиштар тавассути сохторҳои аналитикӣ, ки феълҳои *take, have, let, and get*-ро дар бар мегиранд, ифода мегардад, дар забони тоҷикӣ бошад он бо роҳи морфологӣ тавассути пасванди *-он/-ён* (хобондан) баён мешавад. Таҳлил нишон дод, ки сабабият тақсимои нақшҳоро байни иштирокдорони амал тағйир медиҳад ва субъекти нав - мусаббиро - муаррифи мекунад ва бо ин васила бо вазифаҳои тарз пайваст мешавад. Қонуниятҳои таъсири мутақобилаи байни ин категорияҳо ошкор ва таъсири онҳо ба сохтори синтаксисии ҷумлаҳо нишон дода шудааст, ки фаҳмиши моро дар бораи муносибатҳои сабабу натиҷа дар забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ васеъ мекунад.*

Калидвожаҳо: *категорияи тарз; категорияи сабабият; сохторҳои аналитикӣ; фарқҳои типологӣ; воситаҳои морфологӣ; воситаҳои синтаксисӣ; субъект-мусаббӣ; муносибатҳои сабабу натиҷа*

The article examines the categories of voice and causativity, their interrelation, and core properties based on English and Tajik. Special attention is paid to typological differences in the ways causativity and voice are expressed: in English, causativity is predominantly realized through analytical constructions with the verbs make, have, let, and get, whereas in Tajik it is expressed morphologically through suffixes –on/yon (e.g., хобондан). The analysis demonstrates that causativity transforms the distribution of participant roles by introducing a new subject - the causer - thereby intersecting with the functions of voice. The study identifies regularities in the interaction of these categories, illustrating their impact on the syntactic structure of the sentence and expanding the understanding of cause-and-effect relationships in both English and Tajik.

Key-words: *category of voice; category of causativity; analytical constructions; typological differences; morphological means; syntactic means; causer-subject; cause-and-effect relations*

Введение. Категория залога представляет собой один из сложных аспектов языкового строения, как в аспекте единого определения самой категории, так и её вариативности. Залог является грамматической категорией глагола и играет важную роль не только в морфологии, но и в синтаксисе, логике высказывания и актуальном членении предложения.

Базовой формой глагольного залога является форма актива, которая является основой залоговых конструкций в каждом языке. В статье будет рассмотрено, как категория залога соотносится с каузативностью в английском и таджикском языках, а также проанализированы различия в выражении этих категорий в обоих языках.

Цель статьи – охарактеризовать категорию залога и выявить общие и отличительные свойства соотношений каузативности и залога в английском и таджикском языках.

Залог – это грамматическая категория глагола, которая отражает отношение действия к его субъекту и объекту. Он влияет на структуру предложения и используется для выражения роли участников действия (субъекта и объекта) в зависимости от того, кто выполняет действие, а кто его испытывает.

В обоих языках (английском и таджикском) залог делится на активный и пассивный. Активный залог показывает, что субъект (подлежащее) выполняет действие, а пассивный – что субъект подвергается действию, выполняемому другим участником.

Пример:

• **Активный залог:** *The boy had taught the dog to sit.* - Писарак ба саг нишастанро ёд дода буд.

• **Пассивный залог:** *The dog was taught to sit by the boy.* - Ба саг нишастан аз ҷониби писарак ёд дода шуд.

В данном контексте активный залог в английском языке выражается через форму глагола с действительным субъектом, а пассивный – через конструкцию [с *to be* + причастие прошедшего времени]. В таджикском языке для пассивной формы используется конструкция с причастием и глаголом *шудан*.

Активный залог представляет собой форму, где подлежащее является исполнителем действия, а пассивный – где подлежащее является объектом действия. Важно отметить, что в английском языке структура пассивного залога строится через глагол *to be* в соответствующей форме, а в таджикском используется комбинация причастия и глагола *шудан*.

Залог как грамматическая категория глагола не ограничивается лишь морфологией. Он связан также с синтаксическими категориями подлежащего и сказуемого, логикой высказывания, направленностью действия по отношению к носителю и с актуальным членением предложения. Рассмотрим каждую из этих связей с данной категорией по отдельности.

Связь категории залога с морфологией. В обоих языках каждый залог имеет собственную категориальную структуру:

1. The old man had taught the boy to fish. (E. Hemingway, p.8) ~ Пирамард ба писарак моҳигириро ёд дода буд (Э.Хемингвей, с.9).

2. The shack was made of the tough bud-shields of the royal palm. (E. Hemingway, p.14) ~ Кулба аз барғҳои сахти нахли шоҳӣ сохта шуда буд (Э.Хемингвей, с.15).

В первом случае (1) английский глагол had taught и его таджикский вариант «ёд дода буд» выступают в форме активного залога. В примере (2) формы was made и «сохта шуда буд» употребляются в пассивном залоге. Контраст между активным и пассивным залогом проявляется в противопоставлении конструкции [to be + past participle] (в английском языке) и конструкции [причастие предшествования + шудан] (в таджикском языке) формам без данной конструкции.

Здесь видно, что конструкции в активном и пассивном залогом различаются не только по смыслу, но и по форме, что подтверждает различие морфологии залога в разных языках.

Связь категории залога с логикой. В данном случае для раскрытия содержания залоговых противопоставлений необходимо использовать такие логические понятия, как субъект и объект, а также рассмотреть их соотношение с грамматическими понятиями подлежащего и дополнения.

В обоих языках в активном залоге субъект (подлежащее) выступает как исполнитель (агенса) действия, выраженного глаголом-сказуемым, тогда как в пассивном залоге, напротив, субъект (подлежащее) указывает на объект (дополнение), испытывавший внешнее воздействие. Эта логическая структура играет ключевую роль в формировании смысловых оттенков в предложении. Например:

3. *The boy had brought them in a two-decker metal container from the Terrace.* (E.Hemingway, p.20) ~ Писарак гизоро дар ду зарфи дуқабата аз “Террас” оварда буд (Э.Хемингвей, с.21).

4. Ба рӯи лаълӣ ду дона нони аз тобишаи равғанӣ буданаи намён, андаке ҳалвои бодомӣ, пиёла, чойҷӯши мисина, дафтар, қаламу давои низ гузошта шуда буд (Р.Чалил, с.384).

5. *These tickets were given for learning the Bible verses* (M. Twain, p.12).

В указанном примере (3) глаголы **had brought** и его таджикский вариант «оварда буд» служат для выражения действительного залога. Оба глагола выражают действия, исполнителями (агенсами) которого являются **the boy** и «писарак».

Далее, в предложениях (4, 5) словоформы «гузошта шуда буд» и **were given** выступают в форме страдательного залога. Исполнителями (агенсами) этих действий нельзя считать подлежащие «ду дона нон...» и **these tickets**, поскольку они обозначают объекты действия. Поскольку в данном случае реальные исполнители (агенса) не являются значимыми, в приведённых английских и таджикских примерах они не указаны и даже не упоминаются.

Вместе с тем следует отметить, что существуют случаи, когда в обоих языках действие выражается явно: *Here one of the guinea-pigs cheered, and was immediately suppressed by the officers of the court.* (L.Carroll, p.73) ~ Яке аз хукҷаҳои баҳрӣ чак-чак зад ва аз ҷониби афсарони дарбор пахишу пачақ карда шуд. (Л.Каррол, с.64).

В данном предложении субъектами (агенсами) являются словосочетания **the officers of the court** и “афсарони дарбор”, которые выполняют функцию дополнения. Для указания на то, кем или чем выполняется действие, в английском языке используется предлог **by**, а в таджикском языке - «аз тарафи, аз ҷониби», «бо дасти».

Связь категории залога с актуальным членением предложения. Актуальное членение предложения – это процесс распределения элементов предложения по категориям "тема"

(что известно) и "рема" (что сообщается). В разных языках пассивный залог используется для различных целей, в том числе для выделения элемента, который становится фокусом высказывания (ремой). Это часто происходит, когда агент действия не имеет значения или его не нужно указывать.

В разноструктурных языках пассивный залог в определённых ситуациях используется для переноса субъекта (агенса) действия в ремю высказывания. В других случаях он указывает на незначимость субъекта действия, вследствие чего этот субъект может отсутствовать в предложении, что подтверждается следующими примерами из исследуемых языков:

Our cabs were dismissed, and, following the guidance of Mr. Merryweather, we passed down a narrow passage and through a side door, which he opened for us. (A. Conan Doyle, p.22).

Мактаб шабона буду дар пеши мактаби русии маҳалли шаҳр бо эҳтимоми Андреев гуфтани олим кушода шуда буд (Р.Чалил, с.132).

As far as I can make out, the League was founded by an American millionaire, Ezekiah Hopkins (A. Conan Doyle, p.16).

Аҳолии он деҳа тамоман аз дини ислом баргаишта омили худро, ки аз тарафи арабҳо гузошта шуда буд, куштанд ва Абдулло бинни Умарро ба худ ҳоким бардоштанд (С.Айнӣ, с.126). ~ The population of this village totally abandoned Islam and killed their ruler, who had been appointed by Arabs, and chose Abdulla ibn Umar as their governor (S.Аyni, p.126).

В приведённых выше примерах (6, 7) агенса не указаны, поскольку они являются неактуальными. В примерах (8, 9), напротив, обнаруживаются агенса арабҳо - Arabs, которые составляют ремю высказывания.

Категория залога изучалась в лингвистике многими известными учеными, поэтому существует множество разных подходов к её анализу. Вопрос о залоге является многогранным и многозначным, что порождает различные теории и подходы к определению его функций.

На морфологическом уровне категория залога рассматривалась в трудах выдающихся исследователей А.А. Шахматова, В.В. Виноградова, которые отмечали важность морфологических признаков для определения активного и пассивного залога. На синтаксическом уровне исследование этой категории было продолжено учеными А.М. Пешковским и А.В. Бондарко, которые исследовали, как залог влияет на синтаксическую структуру предложений.

В таджикском языке эта категория также была предметом внимания в работах исследователей Масуми и В.С. Расторгуевой, которые рассматривали залог как важный элемент морфологии глагола.

Особое внимание стоит уделить мнению профессора Б.А. Ильиша, который писал, что залог выражает отношение сказуемого к подлежащему и дополнению, что подтверждается грамматическим значением, которое формируется через морфологические и синтаксические средства.

Ряд исследователей предполагает, что данная категория выражает отношение действия к его субъекту и объекту [4; 9]. Под понятием «субъект» эти исследователи имеют в виду логическое понятие «исполнитель действия», а не грамматическое понятие подлежащего. При рассмотрении значения термина «объект» под ним понимается предмет, который подвергается воздействию субъекта.

Как отмечает М.А. Беляева, категория залога обозначает тот факт, что подлежащее либо осуществляет действие, т. е. является производителем действия (активом), либо подвергается воздействию извне (пассивом) [1, с. 82]. В описании учитывается только грамматический аспект категории. Ведущий исследователь Р. Якобсон понимает под залогом «отношение

между сообщаемым фактом и его участниками, безотносительно к факту сообщения или говорящему лицу» [14, с.101]. В этом абстрактном определении он акцентирует внимание на том, что кто-то сообщает о какой-либо ситуации материального мира, в которой участвуют определённые предметы, выполняющие действия, и в результате данных действий возникают определённые отношения между участниками. Вследствие этих отношений происходит воздействие одного участника на другого, что становится причиной изменений статуса последнего.

Таким образом, в своём определении Р. Якобсон учитывает онтологический фактор категории залога. На основании обзора можно заключить, что залог включает не только форму глагола и синтаксические категории подлежащего и дополнения, но и логические понятия субъекта и объекта и показывает взаимоотношения между предметами материального мира.

М.М. Гухман в докторской работе рассматривала направленность действия. По данному характеристическому признаку она классифицирует действия на центробежные и центростремительные [5, с.189].

Центробежное действие – действие, исходящее из подлежащего и направленное на дополнение.

Центростремительное действие – действие, исходящее из косвенного дополнения и направленное на подлежащее. Приводим примеры:

6. *Every day he took a mysterious book out of his desk (M. Twain, p.120).*

7. *Китобфурӯи ... аз рафи баланде як китоберо гурифт (Р. Чалил, с.271).*

В приведённых примерах центробежным является действие *took – гурифт*, поскольку подлежащее выступает центральным элементом синтаксической конструкции и действие направляется от него слева направо.

В предложениях *Every day a mysterious book was taken out of his desk by him* и *Як китобе аз рафи баланде аз тарафи китобфурӯи гурифта шуд* центростремительным является действие *was taken* и *гурифта шуд*, так как оно исходит из дополнения (*by him* и *аз тарафи китобфурӯи*) и направлено справа налево к подлежащему (*a mysterious book* и *як китобе*).

Данный взгляд разделяется большинством лингвистов, среди которых: профессора М.Я. Блох [2, с.176], А.И. Смирницкий [12, с.265], А.В. Бондарко [3, с. 45] и К.У. Усманов [13, с.131].

По результатам проведённого обзора можно сказать, что, бесспорно, существует широкий круг учёных, поддерживающих взгляд о связанности категории залога с направленностью действия. Мы также разделяем позицию лингвистов, которые при определении категории залога выделяют различия между залоговыми значениями в специфике проявления направленности действия, учитывая, что эта концепция рассматривает залог как явление грамматического порядка.

В английском языкознании категория залога достаточно хорошо изучена и проведено множество исследований. Среди наиболее значимых трудов можно назвать работы учёных-англистов: Н.Ф. Иртеньева, О.М. Барсова, А.П. Шапкина, Б. Комри, Дж. Виллияма, О. Ахмановой, В. Беленькой, Н.А. Кобриной, Е.А. Корнеевой, Л.С. Бархударова, М.Я. Блоха, В.Д. Аракина, И.П. Крыловой, Е.М. Гордона, У.Ч. Филлмора, А.И. Смирницкого, Б. Ильиша, Г. Суита.

Указанные труды имеют особое значение для нашего анализа, так как позволяют рассмотреть смысловые особенности пассивного залога и синтаксическую организацию глагола в форме страдательного залога.

Сущность противоречивых мнений о категории активного или пассивного залога базируется на проблеме соотношения с синтаксисом и морфологией.

По мнению А.И. Смирницкого, трудности, связанные с выделением и рассмотрением категории залога, определяются прежде всего тем, что грамматическое значение этой категории близко по содержанию к лексическому значению глагола [12, с. 231].

В то время М.Я. Блох справедливо утверждал, что категория залога отражена во всех глаголах; в пассивизируемых глаголах это проявляется если не прямо, то косвенно [2].

Согласно Е.А. Кобриной, в ограничительном понимании действительный залог – это залог переходности, указывающий на то, что действие глагола не только производится субъектом, но и переходит на объект. В общем понимании Е.А. Кобрина определяет действительный залог как категорию глагола, сущность которой заключается в том, что субъект, представленный подлежащим, является источником действия [8].

В исследованиях также отмечается отсутствие единства в классификации видов залога, которых различные авторы насчитывают от двух до пяти. Британский лингвист Г. Суит выявляет два категориальных типа залога [16, с.112-113]. Другие учёные отмечают три вида залога: действительный, страдательный и возвратный [15, с.86; 6, с.137]. По их мнению, использование с глаголом возвратных местоимений *myself, yourself* может образовывать форму возвратного залога.

Выдающийся советский англист Б.А. Ильиш, помимо действительного и страдательного, стремится обосновать функционирование в английском языке *взаимного* и *среднего* залогов. В качестве примеров взаимного залога он приводит сочетания глагола с местоимениями *each other* и *one another*, действие которых направляется с одного лица на другое, и наоборот. В качестве примеров среднего залога Б.А. Ильиш приводит конструкции *the door opened, the paper burnt*; а глаголы *open, burn* он рассматривает как формы среднего залога, так как подлежащие (*the door* и *the paper*) не выполняют действие самостоятельно, и не определено, кто его осуществил. [7, с.118].

На наш взгляд, местоимения *each other* не является формой взаимного залога. В предложениях это местоимение выступает как дополнение, а не как вспомогательное слово, способное образовать аналитическую форму взаимного залога. Кроме того, нет оснований выделять в английском языке отдельный залог под названием «взаимный залог». Из этого следует, что взаимный залог не обнаруживается ни в английском, ни в таджикском языках.

В таджикском языкознании категория залога привлекает небольшое внимание. Практически все сведения о залоге в источниках идентичны. Например, Н. Масуми в избранных трудах даёт короткую характеристику категории залога и выделяет два вида залога: действительный и страдательный [10, с.214-220]. Проявление этих двух форм залога интегрировано с лексико-синтаксической характеристикой глагола.

Профессор А.З. Розенфельд даёт следующие определения таджикского залога:

- действительный залог – когда подлежащее и грамматический субъект действия совпадают, а действие мыслится как исходящее от субъекта;
- страдательный залог – когда подлежащее не совпадает с логическим субъектом действия: действующее лицо выступает не в роли подлежащего, а в роли косвенного дополнения [11, с.79].

Мы полагаем, что выделение действительного и страдательного залогов в рассматриваемых языках является общепризнанным, поскольку каждому из них присущи собственная специфическая форма и грамматическое значение.

Теперь остановимся на примере:

8. *He took his lancet and opened a vein (R.L. Stevenson, p.12).* ~ *Ў корди ҷарроҳиро гирифта раги хунро ҷерт кард (Р.Л. Стивенсон, с.19).*

В представленных примерах глаголы *took* – *гурифт* и *opened* – *черт кард* выступают в качестве форм действительного залога, поскольку эти действия исходят от подлежащих *he* – *ӯ* и направлены на дополнения *lancet* – *корди ҷарроҳиро*, *a vein* – *раги хунро*. Таким образом, указанные подлежащие выступают активными исполнителями действий. По этой причине в данном контексте синтетические формы глаголов *took* – *гурифт*, *opened* и аналитические формы *черт кард* рассматриваются как грамемы действительного залога.

В приведенных ниже примерах глаголы представлены в иной форме и несут другую смысловую нагрузку:

9. *The sail was patched with flour sacks.* (*E. Hemingway, p.6*) ~ *Бодбонро бо пораҳои халтаи орд дарбех карда шуда буданд* (*Э. Хемингвей, с.7*).

В данном случае в позиции подлежащих выступают *The sail* – *Бодбонро*. Рассматриваемые предметы не совершают действия, выражаемого глаголами-сказуемыми, – *was patched* – *дарбех карда шуда буданд*. Эти действия направлены на подлежащее, что характеризует пассивный залог.

Несложно заметить, что два указанных предложения существенно различаются как по направленности действия, так и по форме. В переводном примере (12) действие направляется слева направо, тогда как в примере (13) – в противоположном направлении.

По форме, в случае (12) слова *took* – *гурифт* представлены в синтетической форме, тогда как в случае (13) словоформы *was patched* – *дарбех карда шуда буданд* являются аналитическими образованиями. Из этого следует, что форма актива (12) отличается от формы пассива (13) и по значению, и по внешнему виду. В связи с этим их принято включать в парадигму категории залога.

При обсуждении категории залога следует также учитывать категорию каузативности.

Категория каузативности в языкознании представляет собой предмет особого внимания, поскольку отражает взаимосвязь между субъектно-объектными участниками, где один субъект инициирует активность другого. С точки зрения синтаксической структуры предложения, категория каузативности непосредственно связана с категорией залога.

Каузативные конструкции меняют распределение субъектно-объектных ролей, вводя дополнительного участника – каузатора, который становится причиной совершения действия другим субъектом. Таким образом, каузативность влияет на синтаксическую структуру предложения и в определённой степени пересекается с функциями категории залога.

В английском языке каузативность выражается преимущественно с помощью аналитических конструкций с использованием глаголов *make, have, let, get*, которые влияют на выполнение действия другим субъектом. В подобных конструкциях один субъект побуждает другого к совершению действия. Так, в предложении *She made him cry* субъект *she* вызывает действие, которое выполняет объект – *him*. Кроме того, каузативные конструкции в английском языке могут сочетаться с пассивными формами, как, например, в предложении *He was made to leave*. Это свидетельствует о тесной связи между каузативными структурами и категорией залога.

В таджикском языке каузативность выражается преимущественно морфологически: через специальные аффиксы, которые присоединяются к основе глагола для образования каузативных форм. Например, от глагола *нишастан* (садиться) образуется каузативная форма *шинондан* (заставить сесть), а от глагола *хобидан* – форма *хобондан*, переводимая как «усыпить». Это отличие в способах выражения каузативности в английском и таджикском языках демонстрирует, как два языка могут по-разному решать задачу по введению в действие дополнительного участника.

Н. Масуми в разделе о глаголе сначала даёт сведения о прямых и косвенных глаголах, а затем рассматривает активные и пассивные формы глаголов таджикского языка. Под понятиями о прямых и косвенных глаголах он подразумевает каузативные и некаузативные глаголы. Например, глагол *хӯрдан* относится к некаузативным, а глагол *хӯронидан* – к каузативным.

Профессор К. Усмонов рассматривает глаголы *хӯрдан* и *хӯронидан* как глаголы с различными смысловыми структурами и называет их некаузативным и каузативным соответственно. Кроме того, у каузативных и некаузативных глаголов существуют собственные формы залога – актив и пассив [13, с.135].

Как утверждает профессор К. Усмонов, каузативные глаголы не являются формами залога, а представляют собой независимые лексические единицы с собственным значением, которое отличает их от некаузативных глаголов.

В нашем исследовании мы основываемся на позиции профессора К. Усмонова и не относим каузативные глаголы таджикского языка к категории залога. Таджикские каузативные глаголы формируют отдельную группу глагольных значений, характеризующихся уникальной значимостью и применением.

Кроме того, каузативные глаголы классифицируются как лексические элементы, которые формируют основу для аргументации, что применимо при модификации актива в пассив. Например, в предложении “*Муслима хонд*” глагол *хондан* является непереходным и не имеет формы страдательного залога. Однако в предложении: *Андреев ба дӯкони мо ҳам омада мерафт. Ба мактабаи моро ҳам даъват карда, ҳатто ваъда дод, ки бепул хононад.* (Р.Чалил, с.131) наблюдается каузативный глагол *хонондан*, который имеет собственные дополнения и может стать подлежащим в форме страдательного залога: *Мо аз ҷониби Андреев хандонда мешавем.*

Этот пример демонстрирует, что каузативные глаголы могут использоваться в качестве основы для пассивных конструкций, что напрямую связано с категорией залога. Однако следует подчеркнуть, что каузативные глаголы не являются частью традиционной парадигмы залога, а скорее представляют собой отдельные лексические элементы, которые влияют на синтаксическую структуру предложения.

Каузативность реализует семантическую модель вида:

- *агенс* (инициатор действия);
- *каузатор* (тот, кто вызывает действие);
- *паиенс* (объект, над которым совершается действие);
- *состояние или действие* (переход объекта в новое состояние).

В этой модели объект наделяется силой, побуждающей его совершить действие или перейти в новое состояние или качество. Иными словами, объект действия приобретает способность совершать действие или переходить в новое состояние под воздействием другого субъекта, который инициирует это действие.

Основное различие между английским и таджикским языками заключается в способах выражения каузативности. В английском языке его носители предпочитают использовать аналитические средства для выражения каузативных конструкций. Например, с помощью глаголов *make, have, let* и *get* можно изменить валентность глагола, введя дополнительного участника (каузатора), тогда как в таджикском языке, напротив, каузативность реализуется преимущественно морфологически, с использованием специальных аффиксов, которые добавляются к глаголу и меняют его смысл.

Но, несмотря на то, что категории каузативности и залога тесно связаны, они имеют важные функциональные и формальные различия.

Главное различие между категориями каузативности и залога в обоих языках заключается в их функциональной и формальной природе. Залог в первую очередь определяет отношения между субъектом и объектом действия. Это отношение не меняет денотативного значения глагола, но влияет на его коммуникативную перспективу, показывая, кто выполняет действие, а кто его испытывает. Каузативность, в свою очередь, вводит дополнительного участника (каузатора), который меняет валентность глагола. Каузативные конструкции создают причинно-следственные связи, где один субъект побуждает другой действовать или изменяет его состояние.

Каузативность, как и залог, влияет на синтаксические отношения между участниками действия. Однако, в отличие от залога, который в основном регулирует грамматические отношения между субъектом и объектом, каузативность фокусируется на дополнительном участнике — каузаторе, который влияет на изменение состояния или действия другого субъекта.

В итоге, несмотря на функциональную взаимосвязь между категориями каузативности и залога, способы их реализации и влияние на структуру предложения в разных языках существенно различаются.

Категории каузативности и залога имеют общую функциональную основу, поскольку обе отражают распределение ролей между участниками действия. Однако способы их выражения различаются: в английском языке чаще используются аналитические средства, в то время как в таджикском языке — морфологические.

Таким образом, каузативность и залог играют важную роль в синтаксической и семантической организации предложения, но отличаются как по функциональной, так и по формальной природе. Результаты исследования показывают, что каузативность в таджикском языке тесно связана с побудительным залогом, так как морфологические каузативы часто входят в его состав, но не представляют собой его категориальные формы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Беляева, М.А. Грамматика английского языка [Текст] / М.А. Беляева. — Москва: Изд. литературы на иностранных языках, 1959. — 340 с.
2. Блох М. Я. Теоретическая грамматика английского языка. — Москва: Высшая школа, 2000. — 381 с.
3. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. — Ленинград: Наука, 1971. — 113 с.
4. Винокурова, А.А. Пассивные конструкции в современном английском языке [Текст]: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.04. / А.А. Винокурова. — Москва, 1973. — 31 с.
5. Гухман, М.М. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках [Текст] / М.М. Гухман. — Москва, 1964. — 242 с.
6. Жигадло, В.Н., Иванова И.П., Иофик Л.Л. Современный английский язык [Текст]. — Москва: Изд. литературы на иностранных языках, 1956. — 350 с.
7. Ильиш, Б.А. Современный английский язык [Текст] / Б.А. Ильиш. Изд. 2. — Москва: Изд. литературы на иностранных языках, 1948. — 348 с.
8. Кобрин Н.А., Корнеева Е.А. Грамматика английского языка. Морфология. Синтаксис. — Санкт-Петербург: Союз, 1999. — 496 с.
9. Лихачёва, И.К. Проблема отграниченной формы страдательного залога от составного сказуемого, выраженного сочетанием глагола *to be*+ причастие II в современном английском языке [Текст]: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.04. / И.К. Лихачёва. — Ленинград, 1955. — 16 с.
10. Масумӣ, Н. Асарҳои мунтахаб [Матн] / Н. Масумӣ, ҷ. II. — Душанбе: Ирфон, 1980. — 350 с.

11. Розенфельд А.З. Глагол // Очерки по грамматике современного таджикского языка. – Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР. – 1954. – 79 с.
12. Смирницкий А.И. Очерки по сопоставительной грамматике русского и английского языков. – Москва: Высшая школа, 1975. – 380 с.
13. Усмонов, К. Морфологияи муқоисавии забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ [Матн] / К. Усмонов. – Хучанд: Нури маърифат, 2016. – 214 с.
14. Якобсон, Р. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Р. Якобсон // Принципы типологического анализа языков различного строя. – Москва, 1972. – С. 98–112.
15. Poustma, H.A. Grammar of Late Modern English [Text] / H.A. Poustma. Part II. -Groningen, 1926. – 384p.
16. Sweet, H. A New English Grammar Logical and Historical. P.I [Text] / H. Sweet. -Oxford: Cearendon Press, 1892 –418p.

Художественная литература:

17. Айнӣ, С. Қаҳрамони халқи тоҷик Темурмалик. Исёни Муқаннаъ. Тарҷума ба забони англисӣ ва сарсухани профессор Абдусалом Мамадназаров. – Душанбе: ЭР-граф, 2022. – 156 с.
18. Каррол Л. Алиса дар олами аҷоибот. Алиса дар Оиназамин (Барои бачаҳои синни хурди мактабӣ). – Душанбе: Маориф, 1985. – 146 с.
19. Стивенсон Р.С. Чазираи ҷавохирот. – Душанбе: Адабиёти бачагона, 2022. – 240 саҳ.
20. Хемингвей Э. Пирамард ва баҳр/Hemingway E. The Old Man and the Sea. / The Book translated by US Government. American Embassy, Dushanbe, National Library of Tajikistan./ t.me/kitobju
21. Чалил Р. Маъвои дил (Повести воқеӣ). Қисми I.– Хучанд, 2003. – 431 с.
22. Carroll L. Alice's Adventures in Wonderland. Wikisorce, 1897, www.fedbooks.com Twain M. The adventure of Tom Sawyer/. Hartford 1876. - 106
23. Doyle A.C. The Adventures of Sherlock Holmes. EBooks visit Web site at [Electronic resource]. – Access mode: <http://sherlock-holm.es>
24. Stevenson R.L. Treasure Ireland. Ebook was downloaded from Web site at [Electronic resource]. – Access mode: Schatzinsel_E.pdf
25. Twain, M. The Adventures of Tom Sawyer / M. Twain. – Hartford: American Publishing Company, 1876. – 275 p.

REFERENCES:

1. Belyaeva, M.A. (1959). English Grammar. Moscow: Foreign Languages Publishing House. – 340 pp.
2. Blokh, M.Y. (2000). A Course in Theoretical English Grammar. Moscow: Vysshaya Shkola. – 381 pp.
3. Bondarko, A.V. (1971). Grammatical Category and Context. Leningrad: Nauka. – 113 pp.
4. Vinokurova, A.A. (1973). Passive Constructions in Modern English. (Doctoral dissertation abstract, Philological Sciences). Moscow. – 31 pp.
5. Gukhman, M.M. (1964). Development of Voice Oppositions in Germanic Languages. Moscow. – 242 pp.
6. Zhigadlo, V.N., Ivanova, I.P., & Iofik, L.L. (1956). Modern English. Moscow: Foreign Languages Publishing House. – 350 pp.
7. Ilyish, B.A. (1948). Modern English. 2nd ed. Moscow: Foreign Languages Publishing House. – 348 pp.
8. Kobrina, N.A., & Korneeva, E.A. (1999). English Grammar. Morphology. Syntax. Saint Petersburg: Soyuz. – 496 pp.

9. Likhacheva, I.K. (1955). *The Problem of Distinguishing the Passive Voice Form from the Compound Predicate Expressed by the Combination "to be + Past Participle" in Modern English. (Doctoral dissertation abstract). Leningrad. – 16 pp.*
10. Masumi, N. (1980). *Selected Works. Vol. II. Dushanbe: Irfon. – 350 pp.*
11. Rozenfeld, A.Z. (1954). *The Verb // Essays on the Grammar of Modern Tajik. Stalinabad: Publishing House of the Academy of Sciences of the Tajik SSR. – 79 pp.*
12. Smirnitky, A.I. (1975). *Essays on the Comparative Grammar of Russian and English. Moscow: Vysshaya Shkola. – 380 pp.*
13. Usmonov, K. (2016). *Comparative Morphology of English and Tajik Languages. Khujand: Nuri Ma'rifat. – 214 pp.*
14. Jakobson, R. (1972). *Shifters, Verbal Categories, and the Russian Verb // Principles of Typological Analysis of Languages of Different Structures. Moscow. – PP. 98–112.*
15. Poutsma, H.A. (1926). *A Grammar of Late Modern English. Part II. Groningen. – 384 pp.*
16. Sweet, H. (1892). *A New English Grammar: Logical and Historical. Part I. Oxford: Clarendon Press. – 418 pp.*

Fiction:

17. Aini, S. (2022). *The Hero of the Tajik People Temurmaliq. Mukanna's Rebellion. (Trans. into English and Intro. by Prof. Abdusalom Mamadnazarov). Dushanbe: R-graph. – 156 pp.*
18. Carroll, L. (1985). *Alice's Adventures in Wonderland. Through the Looking-Glass. (For primary school children). Dushanbe: Maorif. – 146 pp.*
19. Stevenson, R.L. (2022). *Treasure Island. Dushanbe: Adabioti Bachagona. – 240 pp.*
20. Hemingway, E. *The Old Man and the Sea. (Translated by the US Government). American Embassy, Dushanbe, National Library of Tajikistan.*
21. Jalil, R. (2003). *The Refuge of the Heart (A True Story). Part 1. Khujand. – 431 pp.*
22. Carroll, L. (1897). *Alice's Adventures in Wonderland. Wikisource. / Twain, M. (1876). The Adventures of Tom Sawyer. Hartford.*
23. Doyle, A.C. *The Adventures of Sherlock Holmes. [Electronic resource]. Access mode: <http://sherlock-holm.es>*
24. Stevenson, R.L. *Treasure Island. [Electronic resource]. Access mode: Schatzinsel_E.pdf*
25. Twain, M. (1876). *The Adventures of Tom Sawyer. Hartford: American Publishing Company. – 275 pp.*